

ЭРИК ЭГЕБЕРГ

Лирика Я. П. Полонского

На старой фотографии изображены двое бородатых стариков, сидящих на скамейке в саду: слева русский поэт Яков Петрович Полонский, а справа — его товарищ по лирике Афанасий Афанасьевич Фет. Фотография эта снята в 1880-е годы, и в это время — вернее, в конце данного десятилетия — эти два русских поэта, люди одного поколения, действительно были близки друг к другу. В стихотворениях обоих в эти годы нередко встречается имя другого; так Полонский в 1890-ом году написал карандашом на потолке Воробьевского флигеля, где он гостил летом:

Полонский здесь не без привета
Был встречен Фетом, и пока
Старик гостил у старика,
Поэт благославлял поэта.
И, поправляя каждый стих,
Здесь молодые музы их
Уютно провели все лето. (258:2)¹

А Фет посвящает Полонскому следующие строки:

В минувшем жизнь твоя богата,
Звенел залог бесценный в нем:
Сам рассказал ты, что когда-то
Любил и пел ты соловьем.

Кто ж не пленен влюбленной птицей,
Весной поющей по ночам?
Но как поэт ты мил сторицей
Тебе внимающим друзьям. (26 авг. 1890 г.)²

¹ Ссылки в тексте относятся к изданию: Я. П. Полонский: Сочинения в 2 т. Т. 2. Москва 1986.

Кто прочтет эти стихи, посмотрит на фотографию, наверно подумает, что перед ним — два родственных таланта, две параллельные жизни. Такими они часто и представляли перед современниками; нападая на них, Дмитрий Писарев пишет: «Г. г. Фет, Полонский, Щербина, Греков и многие другие микроскопические поэтики забудутся так же скоро, как те журнальные книжки, в которых они печатаются... Они считают себя художниками, имея на это звание такие же права, как модистка, выдумавшая новую куафюру.» (440) Писарев считается великим критиком, но в отношении двух стариков на скамейке оказался дурным пророком.

Но не стоит всегда верить своим глазам (и чужим, пусть даже глазам авторитетных лиц). В творчестве Фета и Полонского несомненно есть сходные черты, может быть, в первую очередь в старости. Но если поближе рассмотреть стихотворное наследство Якова Полонского, то скоро выяснится, что он отчетливо отличается от Фета, что, пожалуй, у них даже контрастов больше, чем сходства.

Во-первых, в стихотворениях Полонского наблюдается сильная тяга к повествовательности; лирическое начало часто сопряжено с эпическим. Правда, это можно рассматривать как дань времени, любящего рассказы в стихах, и Фет тоже писал свои поэмы. Но для него характерно скорее влечение в противоположном направлении, к состоянию, где «слово немеет, где царствуют звуки».³

Во-вторых, круг тем у Полонского гораздо шире, чем у Фета; он охотно откликается на общественные события, с радостью описывает разные ландшафты. Но эта широта не является безусловным преимуществом, она очень часто оплачивается сниженной энергичностью, концентрацией.

В-третьих, Полонский — несмотря на нападки Писарева и других «революционных демократов» — является своего рода гражданским поэтом, что совершенно невозможно утверждать в отношении Фета. Стихотворение «Узница» (1878 г.) было воспринято современниками как отклик Полонского на дело Веры За-

² А. А. Фет: Полное собрание стихотворений. Ленинград 1959. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.) С. 361-362.

³ Стихотворение «Я видел твой млечный, младенческий волос», ст. 8 (указ. соч., стр. 194).

сулич и стало очень популярным среди радикально настроенной молодежи.

Все три названных момента касаются прежде всего «внешней» стороны стихотворения, мало говорят о его «внутреннем» построении, применении разных поэтических приемов. Чтобы вникнуть в стихотворное искусство Полонского, нужно в пестром многообразии его поэтического мира выбрать один мотив, достаточно богато представленный, и в то же время предоставляющий возможность сравнения с другими лириками, в нашем случае — с Фетом. Таким мотивом является «ночь», в изобилии наличествующая у этого поэта, но нередко встречающаяся и у Полонского; ведь они оба были представители позднего романтизма.

У Фета «ночь» — многоликое явление, но разные стороны ночи все-таки можно привести к одному знаменателю: время любви. Это следует понимать не в узком смысле; ночные пейзажи и интерьеры Фета содержат гораздо большее, чем фигуры любящих, — все, что там есть, проникнуто особым эротическим (тоже в широком смысле слова) настроением. Таким образом, когда молодой поэт в уединении дает под открытым ночным небом выражение своим переживаниям, он прибегает к следующим словам:

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор... (1843 г.)⁴

Подобного стихотворения мы у Полонского не найдем (как ни у кого из современников Фета — стихотворение это считалось причудливым и стало объектом разных пародий). Но тем не менее

⁴ А. А. Фет: Указ. соч. Стр. 172.

в одном стихотворении Полонского слышится эхо Фетовских стихов:

То весь замирал я — и долго
 Стоял неподвижно, — то бил
 Я в землю ногами, не видя
 Ни ног, ни земли; то ходил. (142:1, строфа 12)

Это стихотворение, «Тишь и мрак», является частью цикла «Сны», написанного во второй половине 1850-ых годов. Как и другие произведения данного цикла, оно дает картину ночи, резко отличающуюся от фетовской:

Я спал — и гнетущего страха
 Волненье хотел превозмочь,
 И видел я сон — будто светит
 Какая-то странная ночь.

Дымясь, неподвижные звезды
 В эфире горят, как смола,
 И запахом ладана сильно
 Ночная пропитана мгла.

И месяц, холодный, как будто
 Мертвец, посреди облаков
 Стоит над долиной, покрытой
 Рядами могильных холмов. (142:1, строфы 1-3)

Может быть, неправильно сопоставлять это произведение, состоящее из целых 29 строф, с коротким стихотворением Фета. Но как раз то обстоятельство, что имеется указанный отзвук, допускает возможность воспринимать «Тишь и мрак» как некий ответ Фету.

Но одно стихотворение — даже длинное — мало что говорит; ведь и у Фета есть произведения, выпадающие из общего

ряда.⁵ Итак, надо обратить внимание и на другие стихотворения Полонского, в которых встречается ночь. Одним из ранних примеров является стихотворение «Пришли и стали тени ночи» (1842 г., 33:1), в котором ощущается почти то же настроение, что в ноктюрнах Фета:

Пришли и стали тени ночи
 На страже у моих дверей!
 Смелей глядит мне прямо в очи
 Глубокий мрак ее очей;
 Над ухом шепчет голос нежный,
 И змейкой бьется мне в лицо
 Ее волос, моей небрежной
 Рукой измятое, кольцо.

Далее мы наблюдаем ход времени — явление, которое Фет в своем знаменитом «Шепот, робкое дыханье» использует для достижения эмоционального апогея, наступающего вместе с появлением утренней зари на небе. А у Полонского наоборот, после приведенных стихов, своею конкретностью напоминающих манеру Фета, в стихотворение вторгается другой, более аллегорический вид изложения:

Помедли ночь! Густою тьмою
 Покрой волшебный мир любви!
 Ты, время, дряхлою рукою
 Свои часы останови!

В этом срединном четверостишии слышится уже не возторженная речь, окрашенная обаянием возлюбленной. Оно так и предвещает переход к нисходящей эмоциональной линии:

Но покачнулись тени ночи,
 Бегут, шатаясь, назад.

⁵ См., например, «Полуночные образы реют» (указ. соч., стр. 171). Но с другой стороны интересно заметить, что Фет, трактуя тему, сходную с темой «Тиши и мрака», показывает день, а не ночь. См. стихотворение «Никогда» (указ. соч., стр. 105-106).

Ее потупленные очи
 Уже глядят и не глядят;
 В моих руках рука застыла,
 Стыдливо на моей груди
 Она лицо свое сокрыла...
 О солнце, солнце! Погоди!

Полонский здесь применяет прием, часто встречающийся у Фета: изложение круто обрывается, повествовательная интонация сменяется восклицательной. Но если восклицание в конце стихотворения у Фета — «И лобзания, и слезы / И заря, заря!» — означает соединение и восторг, то у Полонского оно воспринимается знаком разлада и отчаяния.

Стихотворение «Лунный свет» (40:1, 1844 г.) открывается строфой, описывающей ночной пейзаж и заканчивающейся стихами: «И дрожа тихонько льется / Свет волшебный от луны» — т.е. двустихием, сулящим любовную ситуацию с нарастающей эмоциональной нагрузкой. Но Полонский развертывает свое произведение иначе, чем Фет; несмотря на развернутую систему повторений не создается никакой единой, могучей эмоциональной волны; чувство то и дело раздваивается, и стихотворение заключается контрастом:

Непонятное блаженство!
 Непонятная тоска!

— причем следует обратить внимание на порядок состояний: последним словом стихотворения, обладающим наибольшим весом, является тоска, а не блаженство. Таким образом, «Лунный свет», несмотря на наплыв воспоминаний, не показывает полного — или даже усиленного — повторения исходного счастливого состояния, как это бывает у Фета.

Подобным образом дело обстоит в другом стихотворении, во многом напоминающем манеру Фета — «Ночь» (78:2, 1850 г.). Первые строки могли бы быть написаны именно Фетом:

Отчего я люблю тебя, светлая ночь, —

Так люблю, что страдая люблюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь!⁶

— но уже четвертый стих вводит новую ноту:

Ты не мне, ты другим посылаешь покой!..

— повторяющуюся в заключении стихотворения:

Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, —
Оттого, может быть, что далек мой покой! —

В стихотворении «Корабль пошел навстречу темной ночи...» (130:1, 1859 г.) мы наблюдаем подобное развертывание темы: в первой строфе создается положительная картина ночи, но во второй — последней — строфе эта картина разрушается. Если первая строфа заканчивается стихами:

И зажигают вечные лампы,
И обещают мне бессмертия покой.

— то последняя заключается двустихием:

На дне его могилу разгребают —
И обещают мне забвения покой.

Последнюю строфу можно рассматривать как полемический ответ именно Фету, для которого звезды — «вечные лампы» — являются постоянными представителями вечности.⁷

Невольно возникает вопрос: Почему Полонский не пишет как Фет, создавая сгущенные эмоциональные картины? Ведь стихотворную технику своего современника он разгадал; разные ее элементы разбросаны и по стихотворениям Полонского. Но тот, кажется, хотел другого, чем Фет. Уже первое стихотворение

⁶ Ср. у Фета: «Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь! / Опять и опять я люблю тебя, / Тихая, теплая, / Серебром окаймленная!» (Указ. соч., стр. 206.)

⁷ См., например, стихотворение «Среди звезд» (указ. соч., стр. 97).

Полонского, появившееся в печати, свидетельствует о настроении, чуждом Фету:

Священный благовест торжественно звучит—
 Во храмах фимиам, — во храмах песнопенье;
 Молиться я хочу, — но тяжкое сомненье
 Святые помыслы души моей мрачит. (28:1, ст. 1-4,
 1840 г.)

Это сомнение, как нам кажется, и мешает лирическому «я» не только молиться, но и полностью предаваться светлым чувствам. Даже в стихотворениях, построенных на принципе нагнетания усилительных элементов (как у Фета), заключение совершенно неожиданно может повернуть равнвающуюся линию в обратную сторону. Яркий пример этого — стихотворение «Заплета свои темные косы венцом» (157:2, 1864 г.), последняя строфа которого звучит так:

Все, что в жизни с улыбкой навстречу мне шло,
 Все, что время навек от меня унесло,
 Все, что гибло, и все, что стремилось любить,—
 Ты напомнила мне. — Помоги позабыть!

С одной стороны сомнение может представлять собою изъян в творческом облике Полонского: не будь его, он мог бы писать произведения, охваченные единым восторженным чувством. Но с другой стороны как раз сомнение содействовало росту его популярности, ибо оно соответствовало не только личным переживаниям поэта, но и настроению широких слоев русской интеллигенции в трудную эпоху царствования Николая I и Александра II. Важно оно и для развития русской литературы, поскольку поэзия Полонского является одной из предпосылок возникновения первой волны русского символизма. Примечательно, что на смерть Семена Надсона, другого важного предвестника декаданса, Полонский откликается длинным, сочувственным стихотворением «Памяти С. Я Надсона» (237:1, 24 янв. 1887 г.). А его ночные пейзажи, лишённые фетовского восторга, иногда напоминают творчество символистов, в особенности в тех случаях, когда Полонский

изображает город. Такие стихотворения, как «Белая ночь» (154:2, 1862 г.) и «Ночная дума» (199:1, 1874 г.) заставляют читателя думать не столько о символистской лирике, сколько о романе Андрея Белого «Петербург». Вот начало «Белой ночи»:

Дым потянуло вдаль, повеяло прохладой.
Без тени, без огней, над бледною Невой
Идет ночь белая — лишь купол золотой
Из-за седых дворцов, над круглой колоннадой,
Как мертвеца венец перед лампадой,
Мерцает в высоте холодной и немой.

Лирика Якова Полонского, правда, не такое яркое явление, как поэтическое творчество Афанасия Фета, но тем не менее составляет немаловажное звено в развитии русской литературы.

Summary: The Poetry of Jakov Polonskij

In this article the poetry of Jakov Polonskij is compared to Afanasij Fet's verse with a special focus on the motif "night". A juxtaposition of parallel passages demonstrates both similarities and profound differences: on the one hand, Polonskij is familiar with the various aspects of verse technique so brilliantly applied by Fet, while on the other hand he avoids the erotically coloured emotional climax which often concludes Fet's poems. In Polonskij a joyful mood is combined with dissonant notes of doubt and disillusion.

E-mail: erik.egeberg@hum.uit.no